

терапии и нанотехнологиям появятся реальные возможности жить вечно. Международная некоммерческая организация Humanity+, придерживаясь философии трансгуманизма, занимается продвижением разработок биохакеров с целью улучшить человечество с помощью новых технологий. Трансгуманисты, развивая идею «постчеловечества», считают, что нанотехнологии, биотехнологии и искусственный интеллект, а также полный контроль эмоций и психического состояния освободят место для любви и радости, долгой и здоровой жизни.

DOI: 10.17223/22220836/36/32

Г.И. Петрова

О ЧЕМ ПРЕДУПРЕЖДАЛ НАС «МИФ О МИДАСЕ»

Конечно, «Миф о Мидасе» говорит о жадности, о ненасытной любви к золоту, о богатстве и его пагубности. Откровенный, он лишен рафинированности и рациональной отшлифованности мышления. Наивный и нелогичный, он, однако, дальнзорек, поскольку прозревает будущее не в теоретической редукции, но во всей его живой полноте. И лишь современный читатель в конкретике мифологической эмпирии и описании казалось бы единичных жизненных фактов видит их мудрый и поучительный потенциал. Предупреждающее прозрение «Мифа о Мидасе» становится понятным и актуальным на каждом этапе истории, хотя до сих пор оно (что называется) «не пошло впрок».

Сегодня «Миф» особенно актуален, поскольку нынешняя реальность является собой откровенный зигзаг, поворот в сторону от истории, которая предполагала онтологически ясное движение, логику, базирующуюся на производстве и традиции как социальном механизме развития. Онтология выстраивалась прочно, логически прозрачно, стабильно. Современный же бегущий мир – это мир неустойчивый и не настоящий, не имеющий прочной основы, как ее не имеет, например, человек, бегущий по тонкому льду. В беге он все превращает в симулякры, в знаки без референта, которые обступают, заменяя подлинность культуры, и в своем пустом множестве предлагаются для ее потребления, но лишь соблазняют, не насыщая. Такой мир чрезвычайно похож на тот, о котором говорит «Миф о Мидасе». Золото не насытило Мидаса, более того, оно было опасно для жизни.

Речь идет об обществе потребления. Как и предрекал «Миф о Мидасе», культура потребления сегодня грозит превратиться в ненасытное потребление культуры. И пока не находится бога Диониса, который, как это случилось с Мидасом, воочию показал бы следствия такого потребления, привел бы нас в чувство. Потребление – жизненная необходимость, но одновременно оно таит в себе и трагическую опасность, если погашено внимание к его культуре, если одна из жизненных ценностей – потребление – противопоставляется в целом ценности жизни.

Тема панельной дискуссии предполагает необходимость ответа на вызовы современной ситуации, когда слишком очевидным стало исчезновение культуры потребления. Обращение к философии в поисках причин того, что

в теме дискуссии обозначено словом «versus», не связано с тем, что именно здесь и сейчас найдем точные рецепты того, как можно было бы исправить случившееся. Однако философия могла бы помочь в поисках его (случившегося) причин.

В таких поисках прежде всего можно констатировать: потребление – не только (и не столько) экономическая категория, но категория антропологическая. Потребление как поглощение-насыщение есть следствие антропологической способности человека к рефлексии, к видению себя «со стороны» и постоянному ощущению собственной незавершенности. Специфика человеческого потребления дана не природой с ее материнской опекой и инстинктуальной программой, в которой записаны границы насыщения. Освободившись от природы («сказав ей, по Шелеру, «мощное нет»), человек оказался в одиночестве, данным самому себе и свободным от всяких границ, в том числе и от границ потребления. Но свобода потребовала расплаты: человек претерпевает муки постоянного незавершения, «выходит из собственного стержня» (Х. Плеснер) и в течение всей собственной жизни себя достраивает – «заботится о себе». Человек не есть то, что он есть, он есть лишь в возможности свершиться.

В безграничности свободы он, слабый от природы, приобрел те экзистенциалы, которые обеспечили ему жизнь, ибо позволили создать культуру как новую экологическую нишу, которая заменила природу. Но в свободе крылась опасность трансформации антропологической способности потребления в способность экономическую. В экономике же нет границ потребления. Антропология оказалась в плену экономики, которая создает ситуацию постоянного «соблазна», «желания», «удовольствия» и «наслаждения». Результатом этого явилось ненасытное потребление и насыщение, которое не может завершиться. Парадокс в том, что в природном даре – разуме – оказалось, заложена амбивалентность: он создал «вторую природу» для человеческого выживания, но он же в своей властной и безграничной силе потребления может и погубить ее. Исход зависит от выбора: приобрести культуру потребления или потребить культуру. Чтобы выбрать, необходимы усилие, воля и рефлексивность разума. Ибо в отличие от Мидаса у нас нет бога Диониса, который все вернул бы «на круги своя» и спас Мидаса от голодной смерти.

Выбор пока не сделан. Здесь-то и заложена опасность, которую провидел «Миф о Мидасе». Ситуация Мидаса – абсурд и безумие, поскольку ценность жизни не согласована и противопоставлена жизненной ценности. Что имел в виду «Миф», рассказывая об этом абсурде? Предвидя его в качестве повседневности и как стратегическую социально-экономическую установку «безумного мира», «Миф», конечно, предупреждал нас и, очевидно, в этом смысле делал прививку от безумия как от душевной социальной болезни – от азарта бесконечного потребления. Имелась ли в виду необходимость пассивной адаптации нашей психики к абсурдности мира? «Миф» предупредил, но не дал рецепта, что делать? Пока мы еще умеем различать культуру потребления и потребление культуры, и потому ставим вопрос в залоге их versus, предпринимаем какие-то теоретические шаги (подобно нашей панельной дискуссии) во имя спасения культуры. «Миф» предупредил, но практических шагов спасения не указал.

Похоже, что в нашей «золотой» гиперреальности господствует всеобщая галлюцинация: все превратилось в симулякры, в знаки, за которыми нет никакой другой предметной реальности, кроме реальности золота. Ненасытность современного потребления во многом обусловлена тем, что потребляем симулякры – пустоту, которая не насыщает, как золото не насыщало Мидаса. Ненасыщение рождает бесконечное желание потреблять. Азарт, абсурд, безумие – современные душевные болезни социума, новая формация, где все человечество (богатые и нищие, образованные и не знающие грамоты, таланты и бесталанные) превратилось в однородную страту – потребительский пролетариат, для которого потребление стало единым и единственным способом бытия, где все, к чему ни прикоснешься, становится золотом. И мы создаем его вновь и вновь. И не можем сдержать бега по тонкому льду, на котором нельзя остановиться, одуматься, увидеть себя со стороны и задать себе вопрос: «Куда бежим?».

Есть еще один миф, имеющий отношение к нашему разговору и еще более трагичный в своих предсказаниях, – «Миф о Пандоре». Выпустила Пандора из ящика все зло и все бедствия, которые разлетелись по земле и мешают жить людям. Можно ли их укротить, освободиться, победить? Очевидно, говорит «Миф», нельзя, поскольку крышка ящика захлопнулась именно в тот момент, когда вылететь хотела Надежда – надежда на то, что зло будет побеждено. Она одна осталась в ящике Пандоры как символический намек на то, что надежды в этом мире нет. В самом ли деле такую мораль имеет в виду «Миф о Пандоре»?

DOI: 10.17223/22220836/36/33

В.В. Петренко

ПОТРЕБЛЕНИЕ, МОДА, ЦИНИЗМ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПЫТА

1. Что нам следует знать относительно *цинизма* «после П. Слотердайка и С. Жижека», это:

1) *во-первых* и по преимуществу, что вопрос о «цинизме» – это вопрос о том, как позиционирует себя «я» (субъект) эпохи позднего капитализма; в частности, это вопрос о том, почему *цинизм* (*циническая позиция*) утверждается в качестве своеобразного культурного и жизнемирного априори (то, что П. Слотердаик называет *просвещенным* (буквально, «после Просвещения») *ложным сознанием*, или *новым «несчастливым сознанием»*). Именно в этом горизонте о цинизме и имеет смысл рассуждать: т.е. как о подлинно *всеобщей форме мысли, поступка и самочувствия*;

2) *второе* обстоятельство, связанное с «цинизмом», заключается в том, что это *всегда некоторый габитус субъективности*. В таком качестве он находит для себя выражение в целой совокупности сознательных и бессознательных шагов, инициатором которых выступает субъект социального праксиса. Дискурсивно «цинизм» как понятийная и аналитическая конструкция помогает в описании субъективной упорядоченности общественно-политического мира, и, в таком смысле это – своеобразная «субъективная